

УДК 821.113.3-312.4(491.1)
ББК 84(4Исл)-44
А36

Серия «Скандинавский нуар»

Eva Björg Ægisdóttir
ÞÚ SÉRÐ MIG EKKI

Перевод с исландского *Ольги Маркеловой*
Оформление обложки *Елены Лазаревой*

В книге присутствуют упоминания социальных сетей, относящихся к компании Meta, признанной в России экстремистской, и чья деятельность в России запрещена.

Айисдоттир, Эва Бьёрг.

А36 Ты меня не видишь: [роман] / Эва Бьёрг Айисдоттир; — [перевод с исландского Маркеловой О.]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 384 с. — (Скандинавский нуар).

ISBN 978-5-17-163156-7

— *Значит, вы не слышали этих историй?*

— *Каких историй? — удивился Сайвар.*

— *Про пустошь Фродаурхейди и скалы Кнаррарклеттир. И про то, как многие заканчивали свою жизнь как раз в этом месте: срывались с обрыва, заблудившись на пустоши. <...> На южной оконечности мыса когда-то стоял торговый посёлок, и люди ходили за покупками через Фродаурхейди. Погода порой выдавалась плохая, сбиться с пути легко. И лишь на краю скалы люди понимали, что забрели не туда — но было уже поздно.*

Богатая и влиятельная семья Снайбергов собралась, чтобы отпраздновать столетний юбилей основателя рода. Место встречи — уединенный отель на отдаленном исландском полуострове Снайфетльснес. Пока за окном бушует непогода, в доме царит веселье и звенят бокалы. Все играют уготованные им роли. Но в разгар праздника маски приличия слетают, и наружу вырываются зависть, взаимные претензии и затаенные обиды.

А утром тело одного из членов семьи находят у подножья обрыва.

Сотруднику отдела полиции г. Акранеса Сайвару предстоит выяснить, что произошло на самом деле. У каждого из гостей имеется свой мотив, но никто из них не покинет отель, пока не выяснится правда.

УДК 821.113.3-312.4(491.1)

ББК 84(4Исл)-44

© 2021 Eva Björg Ægisdóttir

© Маркелова О., перевод, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2025

ISBN 978-5-17-163156-7

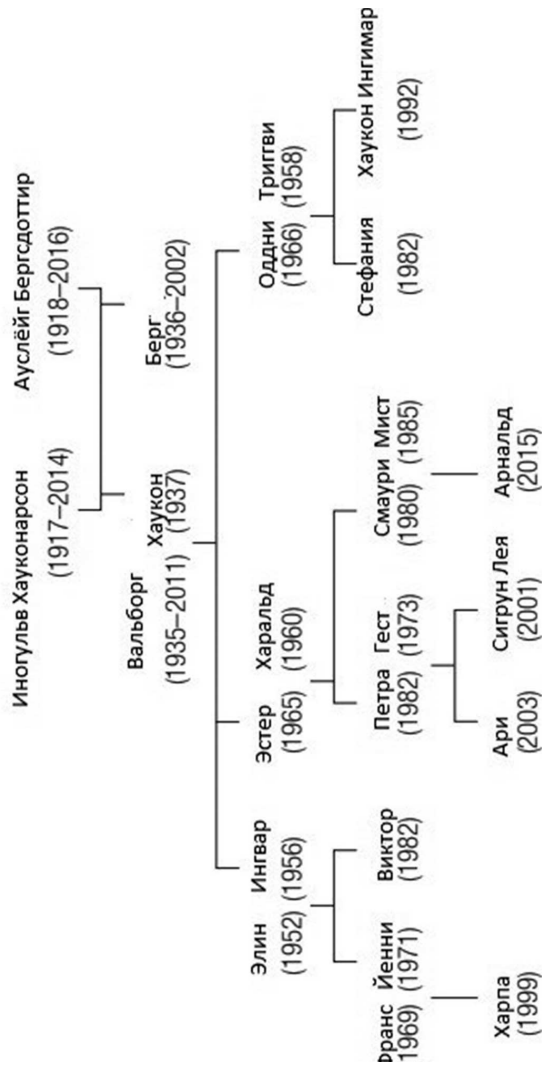
*От всей души благодарю моего дедушку,
Йоуханна Аурсайльссона, за
стихотворение на стр. 295.*

*Эту книгу я посвящаю моей семье.
Надеюсь, что следующий Новый год
будет не таким богатым на события,
как в этой книге.*

Тише, тише; помолчим.
Здесь опасно в поздний час.
Слышал я: дышал в ночи
кто-то под окном у нас.

*Тоурд Магнуссон с хутора Стрьюг,
16-й век*

Семейство Снайбергов

Ночь на воскресенье,
5 ноября 2017 года

Музыка из гостиницы больше не слышна. Холод пробирает до костей. Сколько она ни кутается в пальто, ни натягивает шапку поплотнее — ветер все равно задувает всюду.

Каждый нерв в теле буквально умоляет ее вернуться назад. Вот так выбежать вон среди ночи в этой местности, плохо знакомой ей, — это добром не кончится. Она думает о семье, по-прежнему продолжающей свое застолье в гостинице. Учтывая, в каком они все сейчас состоянии, никто сразу и не заметит, что она ушла. И если что-нибудь случится, едва ли кто-то вызовет помощь раньше следующего утра.

И все же она наклоняет голову вперед и продолжает идти. Пытается шевелить пальцами на руках и ногах, но она их больше не чувствует. Краем глаза замечает движение и резко оборачивается вбок. Когда она видит поблизости очертания человеческой фигуры, ее сердце начинает биться сильнее, но потом становится ясно, что это всего лишь глыба лавы, по-

ходя на человеческую фигуру. Ей давно было бы пора к этому привыкнуть.

Она продвигается вперед, шаг за шагом, стараясь не думать слишком много. Наверно, время как-то идет, но она не отдает себе отчет в том, как долго уже шагает. В кромешной тьме и метели времени и пространства как будто больше нет.

Потом она слышит шаги, словно кто-то подходит к ней. Она поворачивается и сначала ничего не видит — черная вьюга застилает ей взор, — а затем она явно различает очертания. Она узнает лицо и вздыхает с облегчением. Но подойдя поближе, замечает, что глаза человека черны почти так же, как вьюга. Он смотрит не на нее, а за нее, и лицо его искажено гневом. А потом он пускается бежать.

И только тогда ей становится по-настоящему страшно.

Двумя днями ранее
Пятница, 3 ноября 2017

ИРМА,
СОТРУДНИЦА ГОСТИНИЦЫ

Я просыпаюсь и открываю глаза тотчас, как будто лампочку включили. Из кухни, расположенной над моей комнатой, доносится далекий аромат кофе, и я глубоко дышу, переворачиваюсь на спину и потягиваюсь.

Сегодня пятница, и работа у меня начинается с полудня: я дежурю с двенадцати до двенадцати, как и в другие пятницы. А сейчас на часах всего восемь, и я могла бы еще немножко поваляться, снова заснуть или почитать книгу, лежащую на тумбочке, но мне слишком не терпится.

Я чувствую себя как в молодости перед походом в увеселительные места. В животе то самое ощущение: сейчас тебе предстоит что-то увлекательное.

«Они приедут сегодня», — поет у меня в голове, и я улыбаюсь, как ребенок на рождественском празднике.

Я понимаю, что испытывать такую эйфорию глупо. Вроде бы, само по себе это событие не бог весть какое, по крайней мере для большинства: в эти выходные в нашей гостинице состоится своеобразная встреча родственников. Или, вернее сказать, юбилей. Та, что позвонила и сняла гостиницу, сказала, что ее дедушке в воскресенье исполнилось сто лет и по этому поводу его потомки собираются провести выходные вместе. Они сняли для себя всю гостиницу целиком, хотя не факт, что члены этой семьи заполняют все номера.

Может, это само по себе не особенно интересно, но ведь семья это не простая. Семейство Снайбергов — один из самых богатых и влиятельных родов в Исландии. Ингоульв — тот человек, которому исполнилось сто лет, — основал фирму «Снайберг», которую знают все, ведь это финансовый гигант с сотнями сотрудников и оборотом капитала по миллиарду в год.

Хотя, в общем, не знаю я, какие там у этой фирмы финансовые дела или как она возникла. Я знаю только одно: семья эта страшно богата.

Я поднимаюсь на колени и раздвигаю занавески. На улице темно, ведь до рассвета еще целый час, хотя можно разглядеть поросшее мхами лавовое поле, раскинувшееся вокруг гостиницы. С тех пор, как я начала здесь работать, я регулярно раздумывала над тем, смогу ли я когда-нибудь возвратиться в город. В мою квартирку, в которой вид из окна — это окно соседа да мусорные баки во двореке внизу.

Я беру со стола ноутбук и снова забираюсь в постель. Вбиваю в поисковик фамилию той семьи и смотрю на открывшиеся фотографии. На них узнаваемые лица людей, заявивших о себе в бизнесе или в по-

литике. А также и другие — более молодые члены семьи, ведущие активную светскую жизнь; некоторые из них даже не могут спокойно куда-нибудь пойти или что-нибудь запостить в интернет — все это тотчас становится достоянием СМИ.

Один из этих молодых членов семьи Снайбергов — Хаукон Ингимар. Не так давно его возлюбленной была исландская певица, но когда их союз распался, он нашел себе португальскую топ-модель.

Я нажимаю на свежую новость про Хаукона Ингимара и вижу, что на самом деле они с топ-моделью разорвали отношения. Однако репортаж об этом разрыве сопровождается фотографией, на которой они обнимаются. Он — в рубашке с закатанными рукавами, загорелый, светловолосый, голубоглазый: такому человеку скорее место в кинофильме или в рекламе парфюмерии. Его возлюбленная выглядит так, что большинство девушек в сравнении с ней меркнут: губы накачаны, ноги стройные, длинные.

Оба так красивы, что им просто невозможно не завидовать. Трудно перестать думать, каково это — быть ими: богатыми, красивыми, могущими делать буквально что душе угодно. Внезапно рвануть в Париж на выходные, ходить по модным магазинам и покупать именно то, что хочется. А я даже еды спокойно купить не могу: когда протягиваю свою карточку, у меня внутри все сжимается.

Хаукон Ингимар в таких ситуациях явно никогда не бывал. Достаточно лишь посмотреть соцсети, чтоб увидеть, что в деньгах у него недостатка нет. Там на фотографиях он щеголяет в одежде известных брендов (или почти безо всякой одежды), пьет вино в пятизвездочных отелях в окружении друзей и почитателей. Ха-

укон Ингимар явно никогда не бывал одинок. Он для этого слишком популярный.

А вот я никогда не могла похвастаться популярностью. Мне всегда стоило немалого труда заводить друзей и удерживать их. Я как раз была той, кто стучится в двери или звонит. Иногда мне заявляли, что я слишком настойчивая, даже назойливая. Но правда заключается в том, что назойливым становишься, если тебя не хотят видеть рядом. Наверно, большинству хотелось бы, чтоб рядом были люди вроде Хаукона Ингимара.

Я делаю глубокий вдох и думаю про себя, что это сравнение ни к чему не приведет. И этой семье не все само приплыло в руки, во всяком случае, в начале. Ингоульв, прадедушка Хаукона, основал свою первую фирму в возрасте семнадцати лет, вокруг небольшого суденышка, на котором занимался рыболовным промыслом на Западных фьордах. Чтоб добыть свое богатство, он всю жизнь трудился не покладая рук. А дальше его потомки продолжили приумножать капиталы; может, им пришлось чуть-чуть полегче, чем тем, кто начинал с нуля, но все же, чтоб удержать это богатство, им так или иначе пришлось попотеть.

Я отлистываю ленту назад и натыкаюсь на имя «Петра»: это тоже правнучка Ингоульва. Насколько мне известно, Петра Снайберг не работает в семейной фирме, но, разумеется, извлекла пользу из ее благосостояния. Она дизайнер интерьеров, и у нее собственная фирма, специализирующаяся на дизайне и консультациях. В соцсетях у нее много тысяч подписчиков, она сотрудничает со многими предприятиями. Реклама с ее лицом бросается в глаза, стоит

только открыть газету или страничку с новостями в интернете, а текст у нее такой: «Пригласи Петру в гости — преврати свой дом в надежное прибежище!»

Слово «прибежище» на все лады склоняется во всех статьях, которые я читала о ней, ведь: «Дом, в котором ты живешь — это прежде всего прибежище, где тебе спокойно. Это место, которое отражает твое внутреннее “я”».

Если бы о моем внутреннем «я» люди судили по моей квартирке в столице, то я и знать не хочу, что бы они тогда решили. Вещи там расставлены без каких-либо особых соображений. Они стоят там, где стоят, просто потому, что оказались именно там. Полки у меня — это просто полки, чтоб складывать на них предметы. Моя квартира — это просто квартира; если честно, я не воспринимаю ее как какое-то там особое прибежище.

Я захожу на страничку Петры в «Фейсбуке» и листаю ее фотографии.

Ее мужа зовут Гест, и глядя на фотографии, трудно понять, как они вообще оказались вместе. Сам по себе он наверняка ужасно обаятельный. Гест работает программистом в фармацевтической компании, но в конце концов наверняка переберется в семейную фирму, как и большинство тех, кто входит в семью Снайбергов. На самом деле для меня полная неожиданность, что он до сих пор не там.

У Геста и Петры двое детей: Ари и Сигрун Лея, которую обычно зовут просто Лея. Коротенькие миленькие имена, подходящие для малышек, но не для взрослых. И сами они на своих старых фотографиях ужасно миленькие: Ари в спортивном костюмчике, с почти белыми волосами, летом; Лея — крепенькая,

улыбающаяся во весь рот, с крупными передними зубами. Ее длинные черные волосы спускаются ниже талии.

Лея старше Ари, но ненамного: года на два, на три. Я нажимаю на ее имя, но на ее страничке информации мало. В Инстаграме она поактивнее. В той соцсети можно увидеть маленькую девочку с крупными передними зубами — теперь уже с губками трубочкой и в майке на полпуза. Она больше не крепенькая, просто худая, ее длинные волосы собраны в хвостик, кроме двух прядей, обрамляющих лицо. Она похожа на певицу — все забываю, как ее зовут, — такую же миниатюрную, худощавую, с длинными волосами и темно-кариыми глазами.

Я смотрю на задний план на фотографиях Леи и пытаюсь заглянуть в ее комнату, в ее жизнь, но не вижу ничего, что привлекло бы мое внимание. Ничего, что рассказало бы мне еще что-нибудь о том, кто она или чем занимается. Многие фотографии на ее страничке сделаны за границей: и в больших городах, и на курортах. Вот Лея в бикини на пляже, а на другой фотографии она на Таймс-сквер с пакетом из «Сефоры», а вот она возле «Лондонского глаза» с пакетом с надписью «Гуччи». Всего шестнадцать лет, а уже объездила больше стран, чем я. Интересно, сколько раз в год она ездит за границу? И в каких гостиницах они останавливаются?

Я отодвигаю ноутбук и громко говорю самой себе: «Ну все, хватит». Завидовать другим — это не в моем стиле. Но сколько бы я ни напоминала самой себе, что им ведь наверняка приходится бороться со всякими проблемами, как и всем, — все равно не прекращаю фантазировать, каково это — быть ими.

Ты меня не видишь

А потом они все приедут в нашу гостиницу, и я собственными глазами увижу, действительно ли они так идеальны, как кажется. Может, мне сильнее всего не терпится увидеть все эти маленькие трещинки, при пристальном рассмотрении таящиеся под безупречной поверхностью. Ибо, конечно, они не идеальны.

Ничто в мире не идеально.

Сейчас

Воскресенье, 5 ноября 2017

САЙВАР,
СОТРУДНИК ОТДЕЛА РАССЛЕДОВАНИЙ
ПОЛИЦИИ Г. АКРАНЕСА

В горе было большое ущелье, словно ее кто-то рассек надвое гигантским острым ножом. Сайвар скользил взглядом вверх по утесам, к краю обрыва на многометровой высоте над ним, и у него слегка ослабли колени. Упасть с такой высоты и остаться в живых было очевидно невозможно — доказательство чего лежало перед ним.

— Высоко же здесь падать, — сказал Хёрд, хотя это и так было ясно.

— Да. — Голос у Сайвара был хрипловат, и он откашлялся. И снова стал смотреть вниз, но на этот раз сосредоточил взгляд на своих ботинках и заморгал. Боязнь высоты преследовала его с тех пор, как он маленьким мальчиком увидел, как его друг упал со второго этажа дома. Они лазили и подбивали друг друга висеть на перилах балкона снаружи. Когда друг со-